

ДЕРЕВЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ХОР 1950–1990-х ГОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Фольклорное движение существует уже около 50 лет. И хотя, разумеется, абсолютно точную дату начала фольклорного движения, как и других общественных явлений, установить невозможно, но несомненно, что именно с конца 1960-х годов мы должны числить его начало. Нас, впрочем, интересует не точная датировка события, а тот полувековой опыт фольклорного движения, который давно уже пора критически осмыслить, чтобы трезво оценить его приобретения и потери. Поскольку основные проблемы фольклорного движения и основные этапы его в недавнее время уже стали предметом систематического описания [Фольклорное движение 2016], мы можем не повторять уже изученные вопросы и сразу сосредоточиться на том, что еще не было обследовано. Я, разумеется, не собираюсь анализировать весь предлагаемый материал и проанализирую только песенно-хоровую традицию. Однако те же самые процессы, которые мы находим в истории песенно-хоровых коллективов, мы находим в истории и танцевальных, и реконструкторских, и инструментально-исполнительских коллективов. Другое дело, что песенно-хоровых коллективов всегда было больше, чем других, причем очень часто они включали в себя элементы других практик, поэтому описание их может вполне адекватно представить и весь процесс в целом.

Хоры в рамках фольклорного движения создавались в больших городах (столице и областных центрах). Организаторами и участниками их были по преимуществу люди с высшим образованием или студенты высших учебных заведений, а из этой среды — чаще всего те специалисты, у которых знание народной традиции было профессионально обусловленным: филологи, музыковеды, искусствоведы, которые изучали фольклорно-этнографическую традицию. В своей деятельности эти коллективы отталкивались от тех «фольклорных» хоров, которые пели вперемежку собственно фольклорные песни и массовые песни советских композиторов, подделки под народные песни и социально ангажированный репертуар. Именно такие хоры преобладали в позднесоветский период, и именно их авторитетное влияние на массовое сознание фольклорное движение пыталось преодолеть.

Речь шла, таким образом, о прокламации аутентичности и о решении проблемы аутентичности. Созданный в рамках фольклорного движения коллектив воспринимал аутентичность не только как цель воспроизведения определенной фольклорной традиции, но и как уже достигнутую высшую точку своего развития («аутентично поем, танцуем, носим аутентичные костюмы» и пр.), хотя само слово *аутентичный* даже в 1980-е года еще не было столь общеупотребительным, как в наше время. Участники коллектива ездили в одну определенную местность, собирали там фольклорные и этнографические материалы, а потом последовательно и методично воспроизводили их в своей концертной деятельности, стремясь

строго следовать законам традиционной культуры. На протяжении всей истории фольклорного движения всех этих 50 лет аутентичность была не только знаменем, но единицей измерения. При этом каждый участник движения оценивал работу своих коллег по движению с этой точки зрения, почитая себя (свой коллектив) точкой отсчета в оценке меры аутентичности; поэтому всё, что выходило за пределы его собственного знания, он признавал неаутентичным, хотя по отношению к многовариантной народной культуре такая методическая последовательность неизбежно оборачивается догматизмом.

Но главным своим противником фольклорное движение считало, разумеется, не «свои такие же» коллективы, но в первую очередь неаутентичные и в большинстве своем quasi-фольклорные коллективы. В число этих коллективов неизбежно попадали и собственно фольклорные народные деревенские хоры. Эти хоры в 1950–1990-е годы действовали исключительно активно, отчасти, по-видимому, потому, что они питались теми же общественными тенденциями, что и фольклорное движение. Каждый свидетель исполнительской деятельности деревенских народных хоров хорошо помнит свои насмешки над этими тетками с их совершенно не соответствующими никакой традиции сарафанами, обувью, головными уборами. К тому же эти хоры пели смешанный репертуар, в том числе и советскую массовую песню. Впрочем, к концу своего существования, в 1990–2000-е годы, они сами испытали влияние фольклорного движения: знакомство с городскими молодежными коллективами сообщало им тенденцию к аутентичности, а наезжавшие к ним в «поле» фольклористы просили их петь именно аутентичные песни. Тем не менее смешение песен разного типа оставалось.

Следует признать, что эта ситуация касается в первую очередь фольклористов-филологов. У фольклористов-музыковедов (как сейчас говорят, этномузыкологов) ситуация несколько иная. Этномузыковеды записывали народные хоры, во всяком случае с 1950-х годов. Однако принципы их работы были такими, которые совершенно не устроили бы современных исследователей. А. В. Руднева, составительница сборника «Песни Московской области», писала, что «в предлагаемом сборнике песни расположены по возрастающей степени исполнительской трудности — от простых к сложным», и мотивировала это следующим образом: «Нам кажется, что жанровая систематизация иногда мешает руководителю хора вникнуть в своеобразии той или иной песни. Кроме того, мы не хотели бы заострять внимание на исторически-бытовой классификации песен. Песни сами по себе настолько хороши, что отнесение их к древним, или, как теперь любят говорить, к “архаическим”, и тем более “обрядовым” (в смысле “магическим”) старинным видам, принятым в научной терминологии, незаслуженно оттесняет эти великолепные образцы русского светского песнетворчества прошлых лет в далекое прошлое, хотя художественная ценность их так значительна, что время потеряло над ними свою силу» [Руднева 1964, 2; Руднева 2014, 2]. Не стоит спорить с этой установкой, несостоятельность которой сейчас очевидна. И не стоит напоминать о том, что сборник этот содержит репертуар народного хора города Бронницы, а не сельского хора. Для нас достаточно уже и того, что это был не сельский хор, а записи были сделаны без установки на аутентичность.

То же самое можно сказать и о материалах, представленных В. М. Щуровым по записям, сделанным в Белгородской области [Щуров 1995; Щуров 2004; Щуров 2005]. Вот структура первого из этих сборников: 1) традиционная лирика; 2) поздняя лирика; 3) хороводные и плясовые песни; 4) свадебные песни; 5) детские, игровые, календарные песни; 6) духовные стихи. Как видим, часть разделов отвечает общепринятому жанровому делению фольклорных текстов, но помещение в один раздел детских, игровых и календарных песен никак не соответствует нашим представлениям об этих явлениях, а термин *традиционная лирика* едва ли может быть признан адекватным для описания материала.

Впрочем, конечно, дело не в тех или иных недостатках этих вполне заслуженных работ, которые давно уже получили справедливо высокую оценку среди специалистов. Совершенно очевидно, что у этномузкологов интерес к хоровым коллективам сформировался раньше, чем у фольклористов-словесников. И понятно, почему это произошло: записи песенного материала от хоров позволяли музыковедам зафиксировать сложные музыкальные построения, которые филологов профессионально интересовали в меньшей степени. Музыковеды интересовались хорами, но не с той этнографической точки зрения, о которой говорим мы. И в этом отношении можно говорить, что и филологи, и музыковеды не проявили необходимого внимания к деятельности таких коллективов. И если были записаны какие-то высокопрофессиональные хоры, то обычные сельские хоры в своей массе так и остались незафиксированными.

Мы практически не записывали хоры в период их активной деятельности. Мы записывали отдельных участников этих хоров, но не коллектив как таковой. Отдельный же исполнитель пел не хоровой репертуар, а свои личные пристрастия, иногда значительно выходящие за пределы местной традиции. Даже в тех случаях, когда фольклористы (из числа тех, впрочем, которые не участвовали в движении) признавали тот или иной хор носителем определенной фольклорной традиции, они почти никогда не фиксировали его репертуар, предпочитая работать с руководителем хора или отдельным исполнителем. В результате мы потеряли информацию о большом пласте народной культуры. Приведу только один пример — хотя он и из другого периода, но типологически совершенно подходит к нашему материалу и прекрасно иллюстрирует его. В сборнике тверского фольклора 1920-х годов, составленном Ю.М. Соколовым и М.И. Рожновой, зафиксировано в 1926 году 44 песенных текста, записанных в селе Еськи¹. Однако только один песенный текст из этого числа мы находим и в известном нам репертуаре хора, а все остальные песни, записанные в 1926 году, отражают, очевидно, индивидуальные пристрастия исполнителей. При этом хорошо известно, что в данное время хор в Еськах действовал уже весьма активно. Таким образом, собственно хоровая традиция в 1926 году была не зафиксирована.

В результате исследовательского невнимания к деревенским хорам в известной универсальной десятичной классификации, к которой вынуждены прибегать все этнографы, ни в разделе «Народное образование. Воспитание. Обучение. Организация досуга», ни в разделе «Этнография. Нравы. Обычаи. Жизнь народа. Фольклор» не находится места не только для хоров, но и для самостоятельного творчества как такового.

Между тем значение фиксации собственно хоровой традиции исключительно велико. С точки зрения фольклорного движения деревенские хоры казались неаутентичными. Однако следует учитывать, что участники этих хоров не ездили из города в деревню за песнями. Они и не учили песни: ни слова, ни мелодию, — они пели эти песни так, как пели их бабки и мамки. При этом в целом ряде мест, куда еще не дошло электричество, эти песни еще и в 1950-е годы исполнялись в быту совершенно аутентично: в рамках традиционных промысловых, ремесленных и обрядовых практик. Вполне естественно, что населенные пункты, в которых существовали такие хоры, дольше и в большей целостности сохраняли элементы традиционной культуры, нежели те, в которых оных хоров не было. «Бабоньки» участвовали в местных мероприятиях семейно-бытового и общественного характера: в свадьбах, проводах в армию, похоронах (самостоятельно отпевали покойника там, где в церквях не велась служба) и даже в календарных обрядах. Естественно поэтому, что в таких населенных пунктах аутентичная традиция и в целом сохранялась лучше и дольше. Речь идет, таким образом, о том, что, фиксируя репертуар хора, собиратель мог фиксировать и местную традицию во всей ее полноте.

¹ См. Указатель географических названий: [Фольклор Тверской губернии 2003].

*Хор села Грузины Торжокского района Тверской области.
Фото неизвестного автора. 1980-е годы.*

В силу названных причин в настоящее время сбор материалов о деревенских хорах с целью реконструкции местной традиции оказывается одной из важнейших и актуальнейших задач. Как показывает мой опыт, сейчас еще можно выявить материалы об этих хорах, иногда весьма внушительный и интересный. В настоящее время я собираю материалы о четырех хорах, которые действовали в с. Еськи Бежецкого района, в селе Грузины Торжокского района, в с. Берново Старицкого уезда и в поселке Новозавидовский Конаковского района Тверской области (последний действует до сих пор). В частности, в селе Еськи удалось зафиксировать и местные микротопонимы, и местные прозвищные имена, и местно приписываемые песни. В селе Грузины зафиксирован пласт местных исторических преданий, а в селе Берново — песни локального текста.

Разумеется, все эти хоры весьма существенно отличаются друг от друга. Как можно уже сейчас судить по уже собранным материалам, хоры, которые находятся даже очень близко друг от друга, весьма существенно различаются. Во всяком случае, хоры, существовавшие в деревне Мокшино и селе Завидово в сравнительной близости к хору в поселке Новозавидовский, отличаются от этого последнего.

В истории этих хоров при всех их возможных различиях выявляются некоторые закономерности.

Говоря о хорах 1950–1990-х годов, мы должны учитывать, что вообще хоры этого типа в массовом порядке начали возникать уже в начале XX века, очевидно, в рамках земского движения и при общей тенденции к массовой грамотности. В этих условиях новая (письменная) культура, разумеется, еще полностью не вытеснила старую (устную), однако со всё большей очевидностью приходило осознание того, что письменная культура становится альтернативой устной культуры. Вследствие этого устная (традиционная) культура искала специфически консервативные формы своего бытования. И такой формой оказался народный хор. В селе Еськи хор сформировался при местном клубе, который возник еще до революции и здание которого до сих пор называется народным домом.

Эти хоры появлялись в первую очередь в тех населенных пунктах, в которых была церковь и вследствие этого существовала традиция церковного пения. То

есть это были такие населенные пункты, где хоровое пение практиковалось за пределами собственно крестьянского обряда и быта. Традиция церковного пения отчасти сказалась на том, что в составе хора лидирующими были высокие голоса, которые и вели песню, а низкие голоса оттеняли их. Это очень ярко видно в практике грузинского хора, песни которого звучали преимущественно в среднем и высоком регистре, в той манере исполнения, которая свойственна среднерусскому региону в целом. Характерной особенностью этого коллектива являлось то, что низкий женский голос (местные называли его басом) повторял партию верхнего голоса.

Третьим важным условием формирования хора было то, что они появлялись обычно тогда, когда один какой-либо любитель пения отлучался из родного села на достаточно продолжительный период времени, чаще всего уходил на заработки в город. Именно он по возвращении в родное село и создавал хор. То есть носитель традиции должен был на известное время дистанцироваться от нее, чтобы оценить ее значение и специфику и чтобы на этом фоне сформировать хор.

Все эти три фактора иллюстрируют воспоминания участниц хоров. Вот два свидетельства о хоре в с. Еськи. Первое принадлежит последней руководительнице хора З. А. Антимоновой²: «С появлением церкви в селе был создан и церковный хор. Руководили хором местные жители. В XIX веке наиболее известным нам руководителем (регентом) был И. А. Панов. После него был Волков Александр Антонович. Самым известным нашему поколению (З. А. Антимонова родилась в 1921 году. — М. С.) был талантливый Корнилов Петр Иванович, который в десятилетнем возрасте был отправлен в Петербург в учение к сапожнику. Остается загадкой, где и как познал он нотную грамоту. Став сапожным мастером, вернулся он домой уже взрослым. Петр Иванович взялся за это непростое дело. Он обучал хористов петь по нотам, сам писал партитуру для каждого голоса. Хор был четырехголосный, имел в своем составе 25–30 человек. До революции в хор отбирались еще в начальной школе мальчики и девочки. Отбирал их священник, который в школе преподавал Закон Божий. Прислушиваясь к пению детей, он и решал, кому петь в хоре, предварительно сообщив об этом родителям будущего хориста и испросив у них разрешения на это богоугодное дело. Очень пожилые люди, имевшие дар хорового пения, составляли второй хор и пели из любви к искусству по большим праздникам. Все свадьбы (венчанья), похороны сопровождалось прекрасным грамотным хоровым пением. Петр Иванович Корнилов был настоящим русским самородком. Сам он не имел голоса, а организатор и руководитель был блестящий! Десяткам голосистых жителей села он привил вкус и культуру хорового пения. Умер он в 1950 году. Вечная ему память!» [Антимонова 1991]. Второе свидетельство принадлежит Л. А. Фроловой, дочери одной из активных участниц еськовского хора В. М. Субботиной: «Конечно, начало еськовского хорового пения следует считать от “певчих”, т.е. церковного хора. Руководили церковным хором местные жители. В XIX веке руководителем был И. А. Панов. После него — Александр Антонович Волков. Самым известным был Корнилов Петр Иванович. Он обучал петь хористов по нотам, сам писал партитуру для каждого голоса, а хор был четырехголосный. Умер Петр Иванович в 1950 году»³. Как видим, одна и та же информация повторяется в обоих источниках, что свидетельствует, скорее, о том, что один из них восходит к другому. Но для нас важно другое: эти воспоминания строго воспроизводят ту модель появления хора, которую мы описали выше.

Те же самые процессы мы видим и в гораздо более короткой истории хора с. Грузины, организатором и бессменным руководителем которого была М. Е. Симонова (урожд. Борисова, 1903 — после июля 1990). Она родилась в Грузинах, где окончила

² См. о ней: [Строганов 2017а].

³ Сообщено в письме к автору работы [Фролова 2017].

Хор села Еськи Бежецкого района Тверской области. Фото неизвестного автора. 1980 г.

4-х классную земскую школу и пела в церковном хоре, почему ее потом, когда она руководила хором, и называли регентом. После революции во время коллективизации Симонова вступила в колхоз, но вскоре вышла из него и работала на заводе, на железной дороге и телефонной станции. Однако после войны вернулась в родное село, где в конце 1960-х годов по предложению заведующей местного клуба и возглавила хор⁴.

Говоря о грузинском хоре, следует учитывать неопубликованные материалы, собранные в конце 1960-х — начале 1970-х годов Ю. Е. Красовской, когда в репертуаре хора было значительно больше песен традиционного обрядового репертуара, в частности, свадебных песен⁵. Именно этой исследовательнице принадлежат и первые работы о народных сельских хорах как специфическом феномене народной культуры [Красовская 1969; Красовская 1971]. Однако, к сожалению, эти записи, хранящиеся в Фонограммархиве Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), пока нам недоступны.

Подводя итоги наших наблюдений, которые опираются также на материалы хоров с. Берново Старицкого района [Строганов 2018] и пос. Новозавидовский Конаковского района, скажем следующее. В истории нашего невнимания к народным деревенским хорам сказывается обычная закономерность. Мы увлекаемся каким-то новым для нас процессом и пренебрегаем явлениями, которые представляются нам хорошо знакомыми и вечно существующими. Однако, когда жизнь этих хорошо известных явлений вдруг неожиданно для нас прекращается, мы начинаем понимать, что мы потеряли. Вот сейчас самое время наверстывать упущенное с деревенскими хорами.

Благодарю М. В. Антимонову (Санкт-Петербург) и Л. А. Фролову (Бежецк) за предоставленные материалы о хоре села Еськи. Благодарю С. Н. Лебедеву (Тверь) за консультации в работе над хором села Грузины. Большую помощь в уточнении поставленной проблемы мне оказали суждения Е. А. Дороховой, которой я рад выразить свою признательность.

⁴ См. подробнее: [Строганов 20176], а также: [Лебедева 2014].

⁵ См. об этом: [Дорохова 2015].

Литература

Дорохова 2015 — *Дорохова Е. А.* Музыкальный фольклор Торжокского района в собрании звукового Фонограммархива Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России. М., 2015. С. 79–88.

Красовская 1969 — *Красовская Ю.* Народным хорам — народную песню // Музыкальная жизнь. 1969. № 6. С. 4–5.

Красовская 1971 — *Красовская Ю.* Концертная жизнь народной песни // Советская музыка. 1971. № 4. С. 12–15.

Лебедева 2014 — *Лебедева С. Н.* Хоры сел Арпачово и Грузины Торжокского района: репертуар и исполнители // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 16: Мультифольклорное пространство Поволжья. М., 2014. С. 130–139.

Руднева 1964 — *Руднева А. В.* Предисловие // Народные песни Московской области / Зап., сост., предисл., прим. А. Рудневой. М., 1964. С. 3–7.

Руднева 2014 — *Руднева А. В.* Предисловие // Народные песни Московской области / Зап., сост., предисл. и примеч. А. Рудневой. М., 2014. С. 3–7. [Репринтное изд.]

Строганов 2017а — *Строганов М. В.* Песенный репертуар села Еськи // Времен связующая нить: Сб. докл. и выступлений на науч.-практ. конф., посвященной 880-летию первого упоминания Бежецка в исторических источниках (29 апреля 2017 года) // Бежецкий край. 2017. № 16. С. 66–86.

Строганов 2017б — *Строганов М. В.* Хор села Грузины Торжокского района Тверской области // Карповские чтения. Вып. 7 / Отв. ред. Ю. А. Курдин. Арзамас, 2017. С. 258–267.

Строганов 2018 — *Строганов М. В.* Фольклорное пространство Бернова. (В печати). Фольклор Тверской губернии 2003 — Фольклор Тверской губернии: Сб. Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919–1926 гг. / Изд. подг. И. Е. Иванова, М. В. Строганов. СПб., 2003.

Фольклорное движение 2016 — Фольклорное движение в современном мире / Сост. Е. А. Дорохова. М., 2016.

Щуров 1995 — *Щуров В. М.* Белгородское Приосколье. Вып. 1: Песни Усердской стороны. М., 1995.

Щуров 2004 — *Щуров В. М.* Белгородское Приосколье. Вып. 2: Песни Бирюченской округи. Белгород, 2004.

Щуров 2005 — *Щуров В. М.* Белгородское Приосколье. Вып. 3. Песни над Тихой Соной. Белгород, 2005.

Рукописные источники

Антимонова 1991 — *Антимонова З. А.* История хора с. Еськи: Рукопись. 1991. Собрание М. В. Антимоновой (Санкт-Петербург).

Фролова 2017 — *Фролова Л. А.* Певческие традиции села Еськи: Рукопись. 2017. Собрание М. В. Строганова (Тверь).